

Пролог

Я никогда не чувствовала себя более униженно, чем в этот миг. Стояла на коленях перед парнем и в тысячный раз просила прощения! Конечно, знай я тогда, что он из себя представляет, вряд ли даже словом обмолвилась бы, но сейчас... Сейчас все совершенно иначе.

— Вы же понимаете, что для моего отца это просто нереальная сумма? У него нет таких денег, — просипела я, сжимая пальцы. Старые шрамы на них ныли от засасывающей бездны в груди. — Он отдаст бизнес, мы перепишем квартиру в центре города, продадим машины, возьмем займы...

— Этого все равно не хватит, Марина, — улыбнулся кредитор, прожигая меня своим взглядом. — Он предлагал мне старшую дочь на откуп. Красавицу, умницу...

Я стиснула зубы и попыталась проглотить ком, застрявший в горле, стараясь не представлять, как больно будет Кате, когда она узнает об этом.

— Но даже девственная шлюха не стоит таких денег. Даже если вы все три... — он бросил на меня красноречивый взгляд и взболтнул лед в стакане

с явно крепким напитком, отчего холодные кубики звякнули о стекло, — сдадитесь мне в сексуальное рабство на всю оставшуюся жизнь.

Мне стало плохо. Нет, он ясно дал понять, что ему не нужны секс-куклы, но и выхода никакого не предлагал. Слишком большая сумма, чтобы прощать. Слишком большая, чтобы позволить нам самим найти выход. Отец связался с плохими людьми, это очень хорошо чувствовалось в поведении парня, разыгрывающего шахматную партию. И в его друге, который смотрел на меня с такой же насмешкой и абсолютным безучастием.

— Так зачем ты пришла, Марина, зная, что расплачиваться твоему отцу со мной нечем? — Он протянул руку к шахматным фигурам и сделал первый ход знаменитыми «Е-два — Е-четыре». Прощлую партию он проиграл как полный профан.

— Просить не убивать отца, — едва слышно произнесла я, опустив взгляд.

Тот рассмеялся в ответ. Рассмеялся зло и неприятно, отчего я покрылась мурашками. Ведь этот смех не сулил ничего хорошего.

— Он продал каждую из своих дочерей, Марина. Продал тебя и твоих сестер, как обесцененные вещи.

Я зажмурилась, сдерживая слезы, пытающиеся пробиться через стену отчуждения. Он был прав. Отец пытался откупиться нами за свой карточный долг, но... Я прекрасно знала: если отца убьют, следующими станем мы с девочками. Так какой смысл во всем? Не нужно иметь семь пядей во лбу, что-

бы понимать, чем все закончится, если папа умрет. Может, со смерти мамы он и стал козлом, но... Я знаю, ему нет оправданий. И даже такое горе не очистит его передо мной и девочками. Но я верила, что все можно изменить. Ему просто нужно очнуться. Понять, что со дня, когда в его жизни не стало главной женщины, прошло много времени и нужно возвращаться.

Да, больно. Да, принимать действительность тяжело, но нам, его дочерям, это сейчас необходимо. Он топит себя и утягивает нас следом. Я не уверена, что смогу и дальше тащить старую дырявую бригантину под названием «семья».

В комнату вошел какой-то мужчина в черном костюме. Он передал заимодавцу отца папку, в которую тот немедленно заглянул и увлекся чтением. Я же продолжила попытки как-то смягчить его.

— Ваши люди избили и довели папу до сердечного приступа, — проговорила, почти задыхаясь от разрывающей изнутри боли. — Если он умрет, ваша расписка станет ничтожной.

— Если он сдохнет, долг перейдет по наследству. Думаю, никто из вас не посмеет отказаться, — подтвердил он мои предположения о своих намерениях в отношении нас. — Поэтому в ваших же интересах решить эту проблему как можно скорее. — Кредитор посмотрел на доску, снова сдвинул пешку. — Он говорил, ты окончила курсы секретаря руководителя?

Я не отрывала взгляда от шахматной доски, а потому прекрасно видела положение фигур на ней.

Они разыгрывали дебют, но практически сразу перешли в эндшпиль.

Я не хотела думать о вопросах, которые он задает. Они звучали безразлично и не вызывали подозрений, поэтому воспринимались пустой болтовней.

— Да, — ответила, следя за ходами и привычно просчитывая варианты. Просто на автомате. Так сознание пыталось отвлечь от безысходности и отчаяния, что накрывали с головой.

— Играешь? — неожиданно спросил он, отложив бумаги в сторону. — Подойди.

Я не хотела. Вообще не хотела к нему приближаться, потому что прекрасно помнила, как действует на меня его близость. И тем ужаснее себя чувствовала, зная, что он может в любую секунду растоптать мою семью. Ему ведь это ничего не стоит. А вот проигрыш отца принес ему солидные деньги.

— Подойди, — повторил он уже жестче, и я поднялась с колен.

Приблизившись, замерла в паре шагов и коротко взглянула на соперника, что играл черными фигурами.

— Выиграй за меня партию, — усмехнулся кредитор и снова взболтнул лед в стакане с янтарным напитком.

Сейчас я поняла, что это был виски. Пахло именно им.

Вновь взглянула на доску, на две черные и две белые фигуры. Пешечный эндшпиль. Позиция ка-

жется проигрышной, но на самом деле просто не самая выгодная: есть неплохой шанс на ничью и небольшой — на победу.

Сделав еще пару шагов, остановилась рядом с ним и двинула короля, надеясь, что противник не просчитает комбинацию. Слишком причудливы будут ходы. Будь я на его месте, попыталась бы выйти к своей пешке, чтобы прикрыть. И именно так он и поступил, пойдя в обход. Быстрые движения фигур по шахматным клеткам, короткое танго — и задумчивые взгляды, бросаемые на меня раз за разом.

— Ты этому с детства училась? — спросил заимодавец.

Я вздрогнула, ощутив прикосновение пальцев к чувствительному месту под коленкой. Дернулась в сторону, но парень с силой обхватил мою ногу и сжал до боли, не думая, что останутся синяки.

— Стой спокойно и отвечай на вопрос.

— Да, — выдохнула я. — С девяти лет.

— Ходи, — кивнул он на доску.

— Здесь без вариантов. Это ничья... — начал было соперник, но заткнулся, когда я сделала парадоксальный ход, действительно сводящий всю партию в ничью.

Но это только на первый взгляд. Уже через два хода мой король смел его пешку, а следом и моя пешка вышла ферзем.

— Шах и мат, — проговорила тихо, убрав руку от фигуры.

Чужие сильные пальцы скользнули вниз по ноге и оборвали контакт, принеся облегчение. Меня колотило от его действий, но я умела держать лицо.

— Хорошая игра, — усмехнулся незнакомец.

Кредитор некоторое время молчал, но я чувствовала его жгущий взгляд. Казалось, время замерло и исчезло, оставив меня в вакуумной пустоте, разрывающей на части.

— На данный момент у тебя есть три варианта, Марина.

Я повернулась и внимательно посмотрела в стального цвета глаза.

— Ты можешь несколько ночей провести в моей постели, и за это я прощу... — он прищурился на миг, когда я поджала губы, — скажем, пятую часть долга. Можешь просто уйти, но тогда будь готова к аду. — Его губы растянулись в улыбке, которую он тут же скрыл за стеклом стакана. — А можешь принять мое предложение о сотрудничестве и отработать долг.

И только сейчас я позволила себе снова рассмотреть его. Не как кредитора или спортсмена, что каждый день попадался мне на беговой дорожке в парке, нет. Я посмотрела на него как на молодого красивого парня, от которого перехватывало дыхание, а в животе начинали порхать бабочки. Только в этот раз мужская красота стала острой и отталкивающей, а бабочки в животе превратились в омерзительных тараканов.

— О каком сотрудничестве? — Я сглотнула, просто-таки чувствуя крючок в горле, который он закинул.

Вариантов среди его вариантов нет. Он это прекрасно знал.

Парень снова пригубил из стакана и жарким взглядом проехался по моему телу, будто не видел строгого костюма, прикрывающего все самое важное.

— Мне нужна личная помощница. — Я уже хотела отказать, аргументируя тем, что ни за какие блага мира не соглашусь стать чьей-то секретуткой, но он не позволил и слова вставить. — И прежде чем ты откажешься, внесу ясность: я не сплю со своими сотрудниками. Но должность, которую я предлагаю, — экстремальная.

Глава 1

Восемь лет спустя

Я люблю босса. Люблю до тошнотворной горечи в глотке. До изжоги, до непрошенных слез обиды и разочарования и до самого дна собственной ненависти. Люблю и ненавижу! Настолько ненавижу, что в некоторые моменты готова удавить его собственными руками! Настолько люблю, что не могу себе позволить даже взглянуть на него косо, когда особо сильно хочется придушить.

Только улыбка. Белозубая, профессиональная. Такая, от которой у мужиков вокруг дар речи пропадает.

— Ты перенесла встречу с Койчовским на завтра?

— Да.

Черный костюм идеально сидит на его спортивной фигуре. Не зря, гад, трижды в неделю в спортзале гантели тягает, пока меня на беговой дорожке мучают.

Завязываю галстук стального цвета и едва удерживаю порыв, чтобы не затянуть удавку на крепкой

шее. Всего одно движение, которое мечтаю сделать уже долгих восемь лет.

— Сегодня на совещании Карпов должен озвучить результаты исследований от аналитиков по... — Он нахмурился, пытаясь вспомнить название компании, которую собирается выкупать.

— По «Метком», — напоминаю я с улыбкой, крепя зажим на самое идеальное в мире орудие убийства собственного босса.

— Да. После совещания возьми у него копию данных, чтобы позже я более подробно изучил вопрос.

— Будет сделано, Сергей Андреевич.

Я отхожу на шаг и придирчиво рассматриваю шефа в костюме. Как всегда — идеально.

Подхватываю с комода планшет со сводкой новостей и протягиваю ему, после чего разворачиваюсь и беру прямой курс на кухню, где уже попивает кофе жгучая брюнетка с идеальными формами и бессовестно красивым лицом.

Вежливо улыбаюсь ей, достаю из клатча смартфон и открываю приложение, через которое вызываю такси.

— Машина через десять минут, — киваю ей, снова засовывая руку в сумочку, чтобы вынуть оттуда несколько крупных купюр.

Красотка усмехается, беря деньги. Довольный вид говорит о том, что она очень хорошо провела эту ночь. Они все такие удовлетворенные от него уходят. Три раза в неделю.

Кофе в белую чашку, кусочек сахара и порцию дозированных сливок из холодильника. Все без эмоций, что привычно обжигают легкие.

Я давно поняла: сколько ни гневайся — ничего не изменится. Он любит, чтобы его женщины были идеальны. Заниматься их подбором доверяет только мне, как самому близкому человеку в своем окружении. И я терплю все это вовсе не потому, что мазохистка, а потому, что восемь лет назад я заключила с этим подонком договор, который связывает меня по рукам и ногам.

Что мне остается делать? Правильно. Молча беситься, испытывая все прелести неразделенной любви, дурацкой ревности и лютой ненависти. Привычное чувство, от которого на какое-то время меняется голос, вырываясь наружу со странной хрипотцой.

Эти чувства как порочный круг. Мой промерзший до основания ад.

— Марина, ты заказала мне костюм на завтрашний прием?

— Да, Сергей Андреевич. — Я с улыбкой ставлю чашку на стол перед ним. — Завтра в обед его доставят в офис с курьером.

Он поднимает на меня глаза цвета стали, в которых не отражается удивления.

— Ты всегда сама забираешь.

Не вопрос. Констатация факта. И именно это бесит больше всего, потому что я прекрасно знаю, что он не спрашивает, не пытается понять, почему я вдруг изменила собственным правилам, а приказывает.

— Завтра у меня назначена встреча на это время, к сожалению, я не успею, — отвечаю все с той же мягкой улыбкой. — Доставку примет Анжела, она же позаботится о ее сохранности.

Прищуривается на миг, но все же кивает.

Брюнетка, что провела с ним ночь, неожиданно для нас обоих смеется, отставляя чашку с кофе.

— Боже, так часто здесь бываю, и каждый раз мне кажется, что вы муж и жена, которые, однако, сохраняют только договорные отношения.

Я снова улыбаюсь, на этот раз уже ей:

— Вас, Карина, ожидает такси.

Шеф молча пьет кофе. Красотка только усмехается, переводя взгляд с меня на него, но, видя, что наниматель ее не останавливает, покладисто встает, встряхивает волосами и идет к выходу, красиво качая бедрами.

Когда дверь за ней захлопывается, босс лениво выносит очередной приговор:

— Чтобы больше ее здесь не было.

Руки просто чешутся дотянуться до идеально связанного галстука и сделать наконец то, о чем так мечтается! Это же замену искать, перебирать варианты, договариваться, инструктировать!

— Поняла, — послушно произношу я, внося имя Карины в черный список, заведенный восемь лет назад и кочующий из смартфона в смартфон.

К слову, тот уже был переполнен, но я не решилась чистить, боясь, что забуду о том, сколько мне пришлось пережить под насмешливым взглядом каждой из них. Жаль только, еще пары имен тут нет.

Любимицы вне всякой конкуренции. Они приходят по пятницам, вызывая у меня непреодолимое желание взять билет на край света и, не сказав ни слова, исчезнуть из жизни Поклонского.

Но договор...

На мгновение я зажмуриваюсь, чтобы взять себя в руки, и улыбаюсь.

— У нас есть время? — неожиданно спрашивает шеф, чем вводит меня в состояние легкого недоумения.

— На что? — уточняю на всякий случай, хотя понимаю, что он имеет в виду время до начала собрания, которого у него самого может быть вагон. Но все зависит от того, насколько важное мероприятие он задумал.

Шеф смотрит на мои губы и чуть морщится. Я сразу вытягиваюсь по струнке, готовясь к удару по самому больному. И Поклонский не заставляет себя ждать.

— Отвратительное сочетание оттенков, Марина. Я думал, за годы работы ты научилась подбирать нужные цвета.

Продолжаю улыбаться, но со дна поднимается обжигающая волна ненависти. Когда к нему приходят эти «дамы», он и слова не говорит о том, что малиновая помада не сочетается с ярко-красным платьем, а черный бархатный клатч с золотой пряжкой не подходит к лакированным туфлям того же оттенка с серебристыми застежками. Нет, все они идеальны в другом смысле, до которого мне, наверное, никогда не дотянуть.

— Это подарок сестры, Сергей Андреевич. Мне казалось, ничего такого...

— Ты прекрасно знаешь, что я ненавижу, когда на тебе что-то не так, — глухо произносит он. — Ты весь день со мной, это будет меня жутко раздражать и отвлекать. Меняй маршрут, едем за другой помадой.

— Не нужно, — отвечаю спокойно, подавив желание достать несчастный карандаш для губ и украсить эту надменную рожу. — У меня с собой запасная, нейтрального оттенка.

Внутри все клокочет от злости и обиды. Но, наученная горьким опытом, я стоически выношу прищур стального взгляда, потому что любое проявление ненужных эмоций приведет к следующему удару. И к следующему. И к следующему. И так до тех пор, пока он не заставит меня позорно разреветься, как какую-то соплячку. И даже тогда добьет. Знаю, потому что восемь лет назад все было именно так. Он называл это моральной поркой и закалкой характера.

Принесло ли это результаты? Определенно да. Я теперь даже нож ему в спину могу всадить все с той же профессиональной улыбкой.

Я люблю своего босса. Люблю и ненавижу настолько, что готова придушить собственными руками и страдать из-за содеянного до конца своих дней.

* * *

Шуршание листов и стук пальцев по сенсору планшета. Утренняя поездка на машине, как и сон, дает мне некоторое время на передышку. Минут

двадцать, пока водитель, спрятанный впереди за толстым тонированным стеклом, везет нас в офис. Потом обязанности захватят меня с головой.

Знаете ли вы, что личный помощник — это раб? Расписание босса важнее собственных нужд, о которых на нормальной работе невозможно забыть. Раньше я этого не знала, пока не попала в руки Поклонского. Мне не светила блестящая карьера в какой-нибудь крупной компании. Я только-только прошла курсы секретаря руководителя и искала работу. Работу для тихой девушки, что спрячется в бумагах или удавится на телефонном проводе. Поклонский сломал все. Он сожрал мое время, мою жизнь, меня.

Я осторожно покосилась на мужские руки, в которых находился планшет. Из-за солнечного света мне не было видно, что именно он читает, но в какой-то момент его пальцы сжались так, что даже костяшки побелели.

— Все в порядке? — спросила я, уже уверенная, что день с самого утра покатился в чертову задницу.

— В полном, — ответил он как ни в чем не бывало, поставив планшет на блокировку.

Поклонский никогда не орет. Никогда не повышает голос и ведет себя максимально сдержанно со всеми, кто имел глупость пойти не так, как угодно ему. Нет. Он втаптывает в грязь с тихим смешком или и вовсе молча. Обыкновенно. Сегодня ты топ-менеджер его компании, имеющий парочку дорогостоящих авто и виллу где-нибудь на островах, а зав-

тра просыпаешься без работы и с огромными долгами по кредитам, за которые тебе больше нечем рассчитываться. Ему плевать на то, что у тебя на иждивении трое детей и больная мать. Поклонскому не плевать только на себя и все, что доставляет ему комфорт.

— Позвони в офис, скажи, что мы задержимся, — после некоторых раздумий произнес он.

— Куда мы? — спросила я, скрыв удивление.

Он не ответил. Тапнул по сенсорной панели на дверце авто, активировав связь с водителем, и тихо, но вкрадчиво произнес:

— Поезжай на Калитниковское.

Я напряглась, припомнив, что там похоронены его родители. Что происходит? Ненавижу, когда так! В такие моменты у меня начинается паника, потому что я совершенно не понимаю, чего от него ожидать. Любое внезапное требование — и я как щенок в колоде.

Сжала смартфон и набрала секретаря Анжелу, чтобы та поспешила сообщить об изменениях в расписании гендиректора.

— Слушаю, — недовольно пробурчала она в трубку, зная, кто звонит.

— Предупреди замов, что Сергей Андреевич задерживается.

Сначала потрясенное молчание, а потом тихое:

— Что-то случилось?

Если бы я сказала, что случилась война, она, наверное, удивилась бы куда меньше. Это же Поклонский. Перфекционист до мозга костей, ненавидя-

щий менять запланированное и опаздывать. Я даже больше скажу: если бы мы сегодня поехали за новой помадой, вечером я бы получила сполна. Да, иногда он бережет мои нервы, но только из расчета, что я буду нужна ему на протяжении всего дня. А вот вечером... Вечером никакие рамки не удержат его от выговора.

— Возникли кое-какие дела, — ответила я ровно и сбросила вызов.

Масштабы переполоха в офисе я себе уже представляла. Директора — тоже люди, не свободные от расписания. Если они задерживаются, задерживается и вся их работа, а это значит, что их помощники сейчас как чумные перераспределяют задачи, проставляя везде вопросительные знаки.

Едва заметно выдохнула, вспомнив свои первые рабочие дни, когда Поклонский намеренно устраивал мне подобные учения. Кажется, он называл это «крещение огнем», из-за которого я по завершении трудового дня получала выговор и психологическую травму.

Сколько раз у меня возникало желание сброситься с какого-нибудь моста? Не счесть. Но меня держали расписка и четко прописанная сумма долга, которая в любом случае должна быть возвращена. И если на отца мне было плевать с высокой колокольни, то сестер я жалела. Они учились на бюджете в хороших институтах, в которые смогли проскочить уже после смерти мамы, а сделай я что-нибудь с собой, потеряли бы такой перспективный шанс и были бы вынуждены

устраиваться на работу и выплачивать этот проклятый долг.

Да, с той поры много изменилось. Я справлялась со всеми сюрпризами, которые преподносил папа, но отдала за это гораздо больше.

Я отдала за это восемь лет своей жизни.

* * *

Мы стояли у мраморных плит с именами родителей Поклонского. Из слухов в нашей фирме я знала, что они погибли в автокатастрофе, виноват в которой был Поклонский-старший. Поговаривали, будто он был любителем приложиться к бутылке, пока не видит жена, Антонина Васильевна

Мне было интересно, какими они были людьми. А когда я смотрела на босса, в моей не глупой головушке возникали догадки относительно его воспитания. Перфекционистами с навязчивым желанием тотального контроля не рождаются, а значит, у успешного сейчас Поклонского в детстве были серьезные проблемы в семье.

Посмотрев на его широкую спину, я вздохнула, подумав о том, сколько нужно поменять из-за его внезапной прихоти. А самое забавное заключалось в том, что для босса даже смерть не являлась уважительной причиной опоздания. И тут такой кульбит!

Достала смартфон из кармана пиджака и погрузилась в расписание. Вздохнула, увидев вчерашнюю запись. Сегодня нужно было сопровождать Поклонского на всех встречах. Ненавижу это! Это,

нужду сдерживаться и Поклонского! Вот его ненавижу больше всего на свете! Господи, кто бы знал, какими железными должны быть нервы, чтобы много лет подряд укрощать в себе желание придурить этого... этого... Черт! Даже в мыслях язык не поворачивается назвать его придурком и снобом!

— Марина?

Я мгновенно разжала пальцы, вскинула взгляд и улыбнулась. Реакция, отработанная годами, доведена до автоматизма.

— Да, Сергей Андреевич?

Босс внимательно посмотрел на мои губы, в этот раз не выказав неприязни — перед выходом я сменила цвет на более приятный для него, — и с каким-то странным выражением произнес:

— Мне нужно, чтобы ты назначила встречу с Анисимовым.

Я продолжала улыбаться, глядя в его стальные глаза и стараясь сдержать очередную вспышку гнева. Гнева, который сжимался в груди в тугой узел и не находил выхода во внешний мир.

Господи, я терпеть не могу общаться с Анисимовым! Озабоченный старикан только и видит, что мои ноги и задницу, которые всякий раз пытается где-нибудь облапать. А возможностей у него море, ведь мой босс любит уединенные встречи. А еще он прекрасно знает, что этот старый извращенец на все готов, если видит перспективу быть ко мне поближе. Чего стоили его предложения выкупить меня, словно какую-то вещь. Но самое смешное, что Поклонский может себе позволить меня про-

дать. Вернее, не меня, контракт, но сути это не меняет. Пока договор у него, я в рабстве. Слава богу, что еще пара месяцев — и все будет позади.

Я куплю билет на острова и свалю в закат, чтобы забыть о большей части своей жизни, как о страшном сне! А потом вернусь и выйду замуж. Выйду! Рожу ребенка, и пусть все катится к такой-то матери, потому что я хочу обычного женского счастья!

А пока... Пока нужно просто улыбаться и терпеть все его выходки, чтобы не сорвать контракт.

— Когда и на какое время?

— Тебя ведь завтра в обед не будет? Вот на это время и назначь.

Моя бровь не поползла вверх только благодаря железному самообладанию. Это было странно. Наверное, так же странно, как неожиданная смена маршрута. Я сделала пометку в расписании и убрала смартфон в карман.

— Поехали в офис.

И вновь он посмотрел на меня. Но уже через мгновение прошел мимо как ни в чем не бывало.

Я сразу сообразила: пока мы ехали в машине, он что-то нашел. Вспомнила пальцы, сжимающие планшет, и решила, что нужно просмотреть сводку бизнес-новостей. Видимо, что-то случилось.

— Не отставай, — бросил шеф через плечо.

И я действительно поторопилась за ним, пока он не вспомнил вкус власти над никчемной девчонкой, которая не шибко хотела расплачиваться по счетам.

* * *

Входя в здание офиса, я прикидывала время, которое потребуется для совещания. По сути, самая важная часть — это отчет Карпова и мнение заводов. Но я не думала, что они будут против решения шефа, который уже несколько месяцев ходил вокруг компании конкурента.

— Сергей Андреевич, на совещание — полтора часа. Потом — разговор с Карповым. А в двенадцать — встреча с представителем «ЛовтВинГом».

— Напомни, что с ним, — попросил шеф, убрал смартфон в карман и зайдя в лифт.

Я вошла следом и уже протянула руку, чтобы нажать кнопку, как Поклонский отвел ее в сторону и позволил войти стройной блондинке в сером костюме. После чего сам нажал на нужный этаж.

— Мне двенадцатый, — улыбнулась она.

Мне хотелось только хмыкнуть, зная своего босса. И все верно: он никак не отреагировал на ее просьбу. Это сделала я. После чего встала сбоку от него и как ни в чем не бывало продолжила:

— Насколько нам известно, генеральный директор этой компании собирается проверить сделку с нашим конкурентом, хотя в соглашении, которое мы с ними заключали, четко прописано, что иные торговые сделки по аналоговым продуктам недопустимы. Ведь именно мы являемся ключевыми партнерами, делающими им семьдесят процентов прибыли от приобретения их товара. Юридический отдел уже составил претензию, осталось только

лично встретиться с руководством, чтобы исключить слив информации.

— Что дальше? — задал он вполне резонный вопрос.

— Поездка на новый завод. Вы хотели посмотреть, как там идут дела.

Двери лифта распахнулись, и мы вышли, не обращая внимания на попутчицу.

Поклонский любит красивых женщин. Очень любит. Но никогда не посмотрит на кого-то на работе. В его черепной коробке вместо теплого мозга — холодный рассудок. Об этом вам скажет любой сотрудник нашего холдинга.

Войдя в приемную, я коротко кивнула вскочившей Анжеле и прошла в кабинет следом за генеральным директором.

Шеф на совещание не торопился. Включил спокойно компьютер, сел в кресло и стал что-то просматривать. Мне же оставалось только ждать, пока он не завершит дела. И, блин, я даже поторопиться не могла, потому что... Ну потому что!

— Где хранится отчет о «Никрекс»?

Я обошла стол и заглянула в монитор через его плечо. Открыта была вовсе не та папка. Все систематизировано, но иногда нужно помнить не только название организации.

— Посмотрите в папке с годовыми планами.

— Здесь? — шеф навел курсор на иконку с планами проектов.

— Нет, корневая «Запланировано».

— Здесь?

Господи, мы до вечера будем искать нужную папку! Что с ним сегодня? Он же не любит опаздывать.

Не выдержав, я положила руку поверх его и навела курсор на нужный значок. Кожу словно пронзило током. Пальцы я отдернула, но мы оба замерли, молчаливо переваривая каждый свои мысли.

Зря я это сделала. Несмотря на долгие годы работы, из-за чего я нередко забывалась, отношения у нас не столь близкие. Поклонский не любит, когда его трогают. Он и руку-то пожимает со стеклянными глазами, стараясь отстраниться. А по завершении общения, когда собеседник уже этого не видит, непременно обрабатывает руки антисептиком. И, нет, это не мизофобия. Он спокойно может трогать вещи, не испытывая страха, или пожимать руку лучшему другу Карпову. Скорее, это очередной бзик на почве перфекционизма, к которому я уже привыкла.

Закусила губу, предчувствуя новую бурю, но ее не последовало. Прозвучало только холодное:

— Не делайте так больше.

Злится. Обращение на «вы» — первый признак раздражения. Я чисто рефлекторно сделала шаг назад и попыталась сгладить ситуацию:

— Простите, я думала, это...

— И не мямлите, Марина, — поморщился он. — Терпеть не могу, вы же знаете.

Я сглотнула и заткнулась, пытаюсь подавить в себе ту маленькую девочку, что закатывала истерику по любому поводу. Ее давно нет. Я взрослая

и рассудительная женщина, а упреки босса меня не трогают.

Вернулась на прежнее место перед его столом, ожидая, когда он закончит, и попыталась представить день, когда контракт утратит свою силу. Осталось ведь совсем недолго.

Поклонский вздохнул, а затем поднялся из-за стола, окинув мою фигуру внимательным взглядом. Я сразу почувствовала себя неловко, хотя уверена, что шеф не видел во мне сексуальный объект.

— Вечером тренировка. Я помню, что у тебя другие планы, но... — Он нахмурился, глядя на меня. — Ты тоже пойдешь. Мне кажется, ты начала поправляться.

Я замерла, давая реакцию. Улыбка. Только улыбка. Еще немного, Вавилова. Да, у тебя сегодня встреча с сестрами. Да, тебе давно пора начать налаживать личную жизнь. Но размер неустойки слишком велик, чтобы послать лесом Поклонского прямо сейчас. Подумаешь, один час на беговой дорожке вне графика тренировок! Не впервой же, в самом деле.

— Хорошо, Сергей Андреевич.

Он кивнул, подхватил рабочую папку, заготовленную мной со вчерашнего вечера, и мы выдвинулись на совещание, где нас ожидала толпа заместителей и их злых помощников, от которых обычно страдала я.

Анжела успела уведомить всех своих коллег-подруг дать сигнал тревоги, и теперь офис работал как одно целое. Кому, как не мне, знать, что вся эта по-

казуха направлена на удовлетворение Поклонского? Начинала-то я с «бедная девочка, как же ей достаётся от этого чудовища», а теперь в спину звучит только: «Вот стерва! Ты же благодаря нам из всего этого дерьма вылезла». И, нет, не благодаря им, а вопреки. Если бы прислушивалась к советам, то жила бы сейчас впроголодь, без квартиры, транспорта и денег.

Удивительно, но босс, несмотря на огромный долг, купил мне квартиру, заставил получить права и подарил хорошую машину. А еще платил зарплату, о которой можно только мечтать. Вот в чем в чем, а в жадности его упрекать нельзя. Помнится, когда я только начала работать, он в компании имидж-консультанта провел меня по всем бутикам, создавая мне образ. Чувствовала я себя на тот момент тряпичной куклой и часто думала о том, чтобы отказаться от всего, но...

Это пресловутое «но» было всегда. Где и кем я была бы сейчас, если бы не Поклонский?

— Сколько? — привычно спросил босс, скрывая усмешку в уголках губ.

Осмотрелась и честно ответила:

— Трое.

— Делай.

Я кивнула, достала смартфон и набрала сообщение секретарю. Раз в неделю мы стабильно кого-то убирали. Из-за любой мелочи. Неправильно повязанный галстук, кружка кофе на рабочем столе, заспанный вид, похмелье, пьянство, раздолбайство. Не уволить не могли, ведь это «превентивные

меры, Марина. К тому же в офисе нашего холдинга всегда должна быть свежая кровь».

Едва не поморщилась, вспомнив, каким тоном он говорил тогда.

Ненавидящие взгляды жгли спину, давили, но я продолжала идти как ни в чем не бывало. Все знали, что это не моя прихоть, но почему-то искренне считали меня виноватой.

В зале переговоров меня также ожидали злые взгляды помощников директоров, устроившихся на стульях вдоль стены. Одна радость: его светлость с ними меня не сажает. Здесь я сижу во главе стола по правую руку от него, потому что именно я отвечаю за восприятие информации. Ведь помнить и структурировать — это моя работа.

Все присутствующие мужчины встали в знак приветствия, босс кивнул и занял свое место, как обычно, даже не подумав отодвинуть для меня стул. Я же не женщина. Точно нет. В офисе я сотрудник компании без пола, поэтому...

Горькая мысль отчего-то скользнула в горло и разбухла, причиняя дискомфорт. Я села на свое место, когда Поклонский разворачивал папку и просматривал по диагонали подобранный для него материал. Взглянула на присутствующих и наткнулась на улыбку Карпова. Тот подмигнул и сделал незаметный жест, на который я была вынуждена мотнуть головой. Бровь Карпова, а по совместительству друга моего шефа, поползла вверх. Незаметно пожала плечами в ответ. Слава богу, этот безмолвный диалог не был никем замечен,